

После бесчисленных тренировок Цзи Зэю глубоко вздохнул, нахмурился и закрыл глаза, как вдруг не удержался и нажал всеми десятью пальцами на клавиши, издав тупой и резкий звук.

Хотя Цзи Зэю изо всех сил старался сдерживать свой нрав, голос Лу Наньюнь все равно испугал его.

Лу Наньюнь, погрузившийся в образ маленького трехлапного кота, играющего на пианино, был весь взволнован, его рука сильно дрожала, и он случайно толкнул дверь.

Цзи Зэю тоже опешил и поспешно повернул голову, чтобы посмотреть на дверь.

Глаза встретились, и воздух между ними словно застыл.

Лу Наньюнь отреагировал очень быстро. За секунду он изменил выражение лица, равнодушно прошел в угол тренировочной комнаты, поднял лежащий там черный рюкзак и сделал вид, будто ничего не произошло.

Адамово яблоко Цзи Зэю на мгновение закатилось, и в его сердце появилось смущение. Помолчав минуту, он медленно спросил: "Ты... разве ты не должен тренироваться в этом зале?". Может ли быть так, что Лу Наньюнь услышал его игру на пианино?

"Да." Лу Наньюнь ответил низким голосом в пустоту.

Цзи Зэю был ошеломлен и с некоторым смущением сказал: "Тогда я тебя побеспокоил?"

Лу Наньюнь покачал головой и холодно ответил: "Нет".

После этих слов Лу Наньюнь покинул тренировочный зал с сумкой на спине, не выказав ни малейших эмоций.

Цзи Зэю подумал, что айсберг действительно является айсбергом. Судя по степени ненависти Лу Наньюня к мужчинам, можно предположить, что он будет управлять людьми, когда услышит свое пианино, так что он не должен его услышать, верно?

Цзи Зэю вздохнул с облегчением и решил больше не приходить в эту тренировочную комнату.

Глядя на пианино, которое мучило его, Цзи Зэю горько вздохнул, сколько же времени нужно для тренировки?

Лу Наньюнь вышел из тренировочной комнаты на передней ноге, не в силах в следующую секунду сдержать уголки губ. Он не ожидал, что маленький трехногий кот сойдет с ума, и

сделал то, что часто делал в детстве.

И даже не ожидал, что испугался.

Про Кеке нельзя сказать, что он испугался. В конце концов, он не боится звука рояля посреди ночи. Как он может бояться, что котенок сойдет с ума?

Это всего лишь небольшая случайность.

Однако, судя по тому, как сейчас развивается маленький трехлапый котенок, можно предположить, что ему предстоит много мучений. Думая об этом, Лу Наньюнь решил помочь ему.

Но вскоре он вспомнил, как Цзи Зэю избегал себя, и в его глазах промелькнул след низости.

Теперь, когда Лу Наньюнь не может даже улучшить отношения между ними, как он может помочь?

На следующее утро Лу Наньюнь нашел Ван Лонга во время перерыва, затащил его в место, где никого не было, и сказал ему: "Я хочу тебя кое о чем попросить".

Ван Лонг был ошеломлен, но не меланхоличным взглядом Лу Наньюня, а его словами.

"Спросить?" удивленно спросил Ван Таки, - "Ты также просишь у меня совета?".

"Не будь слишком бедным". Лу Наньюнь посмотрел на Ван Лонга и медленно сказал: "Я спрашиваю тебя, то есть... у меня есть друг, и у моего друга когда-то был человек, который ненавидел его, но теперь мой друг хочет улучшить свои отношения с этим человеком. Как это сделать?"

"Какой друг, почему я не знаю?" Ван Таки выглядел озадаченным.

"Ах, ты не знаешь." Лу Наньюнь сказал неестественно.

Ван Таки не стал долго раздумывать. Подумав некоторое время, он ответил: "Я думаю, просто скажи прямо, иначе что мне делать".

Лу Наньюнь не удержался от желания закатить глаза: "Это потому, что я не могу сказать прямо, поэтому я спросил тебя, что делать. Цзи... Этот человек скрывался от моего друга, так что шансов нет..."

"Скорее всего, ничего". Ван Таки покачал головой: "Пусть твой друг сдастся".

Лу Наньюнь широко раскрыл глаза: "Зачем ты это делаешь?"

"Тебе стыдно говорить мне". Ван Таки посмотрел на него: "В прошлый раз я просил тебя дать пачку креветок".

Пальцы Лу Наньюня сжимались и разжимались. Он достал из сумки пачку ирисок и протянул ее Ван Лонгу: "Креветок нет, можно ириски?".

"...Все в порядке". В конце концов, ириски стоят дороже креветок, поэтому Ван Таки неохотно согласился.

После этого Ван Лонг сказал Лу Наньюню, поедая сладости: "На самом деле, это не вышло из игры. Подобные вещи все еще зависят от твоей искренности".

"Какой искренности?" Лу Наньюнь посмотрел на него.

"Подумай сам".

Лу Наньюнь протянул руку, чтобы взять ириску обратно.

Ван Таки поспешно схватил ириску и сказал: "Ах, ох, не делай этого, я же сказал. Искренность, конечно, она тихо дарит, как весенний дождь, чтобы он мог почувствовать твою искренность, когда вдруг оглянется. ."

Сказав это, Ван Таки взял ириску и ушел с удовлетворением. Лу Наньюнь нахмурился, пробормотав про себя: "Плати молча..."

Ему вдруг показалось, что в словах Ван Таки есть смысл.

После того, как Лу Наньюнь задумался на некоторое время, в его сознании промелькнула вспышка света. Он тут же вернулся в общежитие. В общежитии никого не было, поэтому он закрыл дверь, достал лист бумаги и ручку и начал писать и рисовать на бумаге.

Лу Наньюнь сидел за столом и пытался вспомнить звуки пианино, которые он слышал прошлой ночью.

Хотя внимание Лу Наньюня в это время было приковано к кому-то, он был учеником престижной школы и обладал отличной памятью, поэтому ему не потребовалось много

времени, чтобы вспомнить всю песню.

Лу Наньюнь разделил партитуру на аккорды, нарисовал их на бумаге, отметил пальцы, записал технику инверсии аккордов и метод запоминания партитуры.

Лу Наньюнь не обладал таким терпением, когда учился играть на фортепиано самостоятельно. Когда он учился в школе, его всегда считали гением, он мог получить все оценки, даже если не посещал занятия, и никогда не делал записей.

Лу Наньюнь не ожидал, что в первый раз, когда он делал заметки, он делал это для кого-то другого.

Нарисовав полный лист бумаги, Лу Наньюнь посмотрел на прикроватную тумбочку Цзи Зэю, затем сложил бумагу пополам и прижал ее к стеклу. Сначала он хотел подписать, но вспомнив, как Цзи Зэю увернулся от него, в конце концов сдался.

По сравнению с этим, его больше волнует, сможет ли Цзи Зэю освоить песню раньше, чтобы избежать несчастных случаев во время выступления.

Хотя расстроенный вид Цзи Зэю вчера вечером казался милым, Лу Наньюнь все равно чувствовал себя немного расстроенным, когда думал об этом.

Сегодня утром Цзи Зэю был вызван бизнес-командой для съемок рекламы зубной пасты. Говорят, что за нее проголосовали фанаты. Съемки не заканчивались все утро.

В это же время Чжоу Чэн просмотрел репетиционные видео, записанные всеми в тренировочном зале, достал несколько листов бумаги и записал то, что нужно улучшить для всех. Его записи были очень краткими, всего несколько слов, но все они были очень полезными предложениями.

Единственное, что было написано для Цзи Зэю, это другое. Чжоу Чэн считал, что Цзи Зэю и так прекрасно справляется со своими обязанностями. Но если он напишет другим, а не Цзи Зэю, то ему может быть грустно, верно?

Чжоу Чэн немного подумал и написал на бумаге предложение: "Усердно занимайся на пианино... Чжоу Чэн".

После этого он сложил шесть бумажек пополам и раздал их игрокам.

Поскольку Цзи Зэю ушел на съемки рекламного ролика, Чжоу Чэн передал его фотографию Ци Аодуну: "Можешь отдать ему, только скажи, что я его ждал".

Ци Аодун кивнул и взял два листка бумаги, один из которых был его собственным, а другой - Цзи Зэю.

Получив бумагу, Ци Аодун боялся ее потерять, поэтому он пошел прямо к общежитию Цзи Зэю и обнаружил, что дверь открыта и внутри никого нет. Тогда он сразу же вошел и зажал бумагу, которую Чжоу Чэн дал Цзи Зэю, под стеклом на прикроватной тумбочке.

В это время Ци Аодун обнаружил, что под стаканом все еще лежит бумажка.

Может быть, это были собственные записи Цзи Зэю?

Ци Аодун не стал его открывать. Он прижал бумажку Чжоу Чэна к другой бумажке, поставил стакан на место, а затем вышел из общежития.

Через полчаса после прикосновения снаружи вернулся Цзи Зэю. Вернувшись, он сразу же направился в общежитие Ци Аодуна и предложил ему поесть вместе.

"Я устал. Я должен постоянно показывать зубы, когда снимаюсь в рекламе зубной пасты". Цзи Зэю тошнило во время еды: "Неужели так хорошо выглядит? Кажется, мои десны почти обнажились".

"...Это не так уж и преувеличено, верно?" Ци Аодун не мог представить, что Цзи Зэю покажет свои десны.

Цзи Зэю скривил губы: "Я думаю, что все почти готово. Фанаты могут пожалеть, что проголосовали за меня, когда увидят это".

"Нет." Ци Аодун мягко утешил его: "Ты хорошо выглядишь, когда улыбаешься".

Цзи Зэю позабавили слова Ци Аодуна, и он поднял большой палец вверх: "Ты все еще можешь говорить".

В этот момент Ци Аодун вдруг вспомнил о задании, которое дал ему Чжоу Чэн, и сказал Цзи Зэю: "Господин Чжоу Чэн утром написал всем предложения по улучшению. На листе белой бумаги, который лежал под стеклом твоей прикроватной тумбочки. ."

Цзи Зэю был ошеломлен и поспешно сказал: "Хорошо, спасибо, я посмотрю, когда вернусь".

Во время обеденного перерыва Цзи Зэю вернулся в общежитие. Соседи по комнате отдыхали. Лу Наньюнь сидел за столом и читал книгу, ведя себя очень спокойно. Казалось, что вчерашний инцидент с пианино никак на него не повлиял.

Цзи Зэю не тренировался утром, поэтому он хотел немного потренироваться во время обеденного перерыва. Поэтому он вытащил два листка бумаги из-под стекла и поспешил выйти из общежития.

Когда Цзи Зэю ушел, Лу Наньюнь посмотрел ему в спину, думая, не помочь ли ему?

Придя на тренировку, Цзи Зэю посмотрел на два листка бумаги в своей руке и немного растерялся: Чжоу Чэн написал так много предложений?

После этого Цзи Зэю открыл первый лист бумаги, на котором была написана всего одна строчка: Усердно занимайся на пианино.

Подпись: Чжоу Чэн.

Это тоже предложение?

Цзи Зэю смотрел в пустоту, а затем открыл второй лист бумаги. Через несколько секунд выражение его лица изменилось с пустого на удивленное.

На втором листе бумаги были густо написаны различные иероглифы и нарисованы различные аккорды ****. Присмотревшись, Цзи Зэю обнаружил, что здесь были написаны различные техники инверсии аккордов, методы запоминания и некоторые меры предосторожности.

А приведенная выше мелодия - это всего лишь прелюдия, которую я хочу сыграть.

Видно, что человек, написавший эту заметку, очень терпелив, но почерк кажется энергичным и несдержанным. Похоже, что она отличается от предыдущей?

Цзи Зэю не стал долго раздумывать. Он взял этот лист бумаги как руководство Чжоу Чэна к действию. Следуя вышеупомянутому методу, после полудня он добился значительного прогресса, и уже не спотыкался так сильно, как вчера вечером.

Поэтому Цзи Зэю торжественно собрал эту записку. После обеденного перерыва он нашел Чжоу Чэна и с благодарностью сказал: "Спасибо, учитель, за ваше руководство. Оно слишком подробное. Я многое понял. Не волнуйтесь, я буду учиться. Запомню каждое предложение!"

Чжоу Чэн был ошеломлен. Он только что написал предложение "Усердно заниматься на пианино", как получилось, что он многого добился?

Может быть... это способ выразить благодарность?

"Ах, это в основном зависит от тебя". Чжоу Чэн скромно сказал: "Тебе не нужно благодарить меня, ты должен сам упорно трудиться, чтобы добиться этого".

Цзи Зэю был еще больше тронут: "Я точно не подведу ваши ожидания".

<http://bllate.org/book/15733/1408302>